

Последние два десятилетия стали для русской фольклористики временем кардинальных перемен. Стремительное исчезновение классических фольклорных жанров все чаще заставляло специалистов обращаться к поиску новых тем для полевых исследований. По данным социологических опросов, проведенных ВЦИОМ в 2003 году, 87% россиян считают Великую Отечественную войну самым значимым событием прошедшего века. Поэтому вовсе не удивительно, что воспоминания, посвященные данной тематике, стали одним из основных жанров для современной фольклористики. Автору этих строк довелось принять участие в нескольких полевых экспедициях, целью которых был сбор так называемых авто-

биографических мемуаров о войне: на основе этого опыта мы в данной статье рассмотрим некоторые аспекты сбора и анализа материалов подобного рода.

Несмотря на то что история собирания воспоминаний о Великой Отечественной войне сравнительно недолгая, ей уже присущи некоторые общие принципы организации рабочего материала. Создается впечатление, что их основой является столь дорогая В.Я. Проппу, однако, казалось бы, абсолютно неприменимая к автобиографическим жанрам идея о том, что индивидуальность фольклорного сюжета заключена в мелких деталях. Основной своей задачей современный собиратель фольклора считает именно поиск общих мест

в отдельных мемуаратах, а также их сравнение и сопоставление. Поэтому большинство вопросов, задаваемых информантам, имеют обобщающий характер. Вот несколько характерных примеров из стандартного полевого вопросника: «Образ захватчика. Объединение людей общей бедой. Подъем национального сознания народа. Предзнаменования победы». Сама форма этих вопросов задает довольно жесткие рамки для ответа, подразумевающие, что от ответчика требуется именно описание «коллективного» взгляда. Но даже если не брать в расчет огромное влияние на сознание опрашиваемых людей идеологии советского государства, такой способ сбора информации вряд ли можно считать наиболее полноценным. Несмотря на его внешнюю строгость, в процессе опроса в воспоминаниях информанта нередко проявляются элементы, выходящие за описанные выше рамки. Среди них особенно стоит выделить два: первый связан с теми моментами, когда в воспоминаниях на первый план выходят «личностные», а не «коллективные» мотивы; второй — когда описываемая информантом ситуация принципиально отличается от устоявшихся в обществе представлений. Наличие этих моментов ставит под вопрос адекватность применяемой собирателями фольклора методики.

Для качественной обработки материала требуется соответствующий подход. Вполне подходящим в данной ситуации мог бы стать метод, предложенный Н.Н. Козловой в книге «Советские люди: сцены из истории»¹. Исследовательница справедливо утверждает, что воспоминание каждого отдельного человека неповторимо и, главное, несводимо к общему знаменателю, а потому она вполне закономерно заключает, что значение имеет сказанное «всеми и каждым». Козлова призывает отделять любые проявления личностного начала от какого-либо обобщения, чтобы «возникал зазор, в котором оказывалось то, что непонятно, но что надо было пытаться понять и даже концептуализи-

¹ Козлова Н. Н. *Советские люди: сцены из истории*. М.: Европа, 2005.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник. Лубочная живопись

зировать». Именно в поиске и верной интерпретации найденного зазора видится Козловой цель работы. К сожалению, перенять данный метод для анализа воспоминаний о войне как готовый шаблон невозможно: он был разработан для применения к письменным источникам (мемуарам, письмам и т.п.). Также немаловажно и то, что в качестве альтернативы стандартного для исследователя «взгляда сверху» Козлова пытается рассматривать источники «изнутри», с позиции ровесника и свидетеля эпохи. Поэтому при исследовании устных воспоминаний, связанных с Великой Отечественной войной, целесообразным видится поиск иных точек опоры.

Почему мемуары исследуются в первую очередь как произведения устного народного творчества? Почему отдается предпочтение фор-

малистическому безличному анализу воспоминаний, которые являются настолько же «общими», насколько и «личными»? Зачастую получается так, что отдельное воспоминание, заключенное в рамки общей темы, абсолютно теряет свое значение, в то время как само по себе оно может нести ценную, а зачастую и уникальную информацию. Если говорить в общем, автобиографические мемуары о войне имеют сравнительно ограниченный набор тем, которые варьируют в зависимости от места проживания информанта. Полевой фольклорист, прибывая на место работы, уже представляет основные варианты ответов. Потому план опроса будет строиться им в первую очередь на основе личного опыта, и лишь во вторую — зависеть от рассказчика и информации, которую он может пе-

редать. Характерный пример: три информантки (они были во время войны молодыми девушками и жили в соседних деревнях) на вопрос «Что случилось с вашей церковью?» дали три абсолютно противоположных ответа. Первая информантка рассказала, что церковь при отступлении взрывали советские солдаты, вторая — что ее во время налета разбомбили немецкие самолеты. Третья утверждала, будто она сама в конце войны ломала стены церкви на стройматериал, чтобы сделать новые своды для своего дома. Если попробовать привести все три рассказа к общему знаменателю, то получится, что лишь одна из трех информанток говорит правду. Однако, скорее всего, судьба объекта в хронологическом порядке выглядела так: в начале войны советские войска, отступая, взорвали

Баян. В. Васнецов, 1910 г.

колокольно церкви, так как она могла стать для немцев удобным наблюдательным пунктом; немецкие самолеты бомбили уже основное здание, потому что в них часто устраивали склады и лазареты. Что касается третьего информанта, то камни, использованные для строительства дома, брались из стен уже полуразрушенной церкви. Получается, что все трое говорили правду, но просто каждая из них застала разные стадии разрушения здания. Подобная информация вряд ли должна быть первоочередным предметом изучения фольклориста, а потому сопоставление воспоминаний не имеет никакого значения. Напротив, каждое из них по отдельности значит много больше, так как содержит в себе скрытую характеристику войск — как немецких, так и советских, а также оценку местных жителей в лице третьего информанта.

Другой пример: информант на вопрос, были ли в их округе партизаны, рассказал следующий случай. Однажды рядом с деревней нашли несколько мертвых немецких солдат. Вражеская комендатура тут же приписала этот поступок партизанам и начала их поиск. Они обыскали деревню, нашли пять стариков.

«Их в круг поставили и спрашивали, сколько годов. А дед наш, он вообще строгий был, говорил: «Ко мне как подойдут, спросят. Я говорил — шестьдесят четыре мне года. И сколько они ходили — все одно говорил». Не расстреляли. А есть старики, уже заговариваться стали, не в одно стали говорить. Вот круг прошли, а три раза круг-то этот обходили, и иные не в одно говорили, и их расстреливали, раз уже заговариваться стал».

В данном воспоминании важно вовсе не наличие партизан, которые интересны фольклористу, но скорее фигура вражеского командира и комендатуры, придумавших столь зверский и извращенный способ мести.

Так, один из информантов на просьбу описать немцев, живших в доме его родителей, дал такой ответ:

«Жил у нас один немец. Поехал он как-то в отпуск, я ему сапоги почистил, а он мне посылочку прислал: груши и гармошечку губную...»

Для собирателя он является характерным примером воспоминания, относящегося к одному из самых распространенных общих мест — о «хороших и плохих немцах», где солдат вермахта выступает с положительной стороны, в роли благодетеля. Однако при этом

совершенно никакого значения не будет иметь то, что информант, по сути, признался в том, что был предателем — он осознанно, добровольно почистил сапоги врагу ради возможной личной выгоды.

Другой пример. Информантка на вопрос: «Игрались ли при немцах свадьбы?», — рассказала такую историю:

«Я вышла замуж во время войны. Поехали венчаться в село Мокрое, там церковь была. Приехали туда, там немцы во всем обмундировании. Выходит переводчик, украинец, спрашивает: вы что? Муж отвечает: регистрироваться. Выходит немец и спрашивает: вы любите друг друга? Муж отвечает: ну если бы не любил, то и не женился. Паспорта забрали наши. Выписали нам венчальный лист — один бок написано по-немецки наше имя и отчество, а на другой стороне — орел и свастика их. Я думаю про себя, Господи, как же этот документ показать русским. Подошел поп — немец. Какой-то кисточкой на лбу наставил кресты, на руках. Выдали нам документ, и мы поехали. Чуть отъехали, муж закурил, вытаскивает этот документ и зажигает. Я говорю: ты что делаешь? А он: да чтоб я этого подлеца в кармане носил! Взял и сжег».

Если учитывать рамки заданного фольклористом вопроса, то данное воспоминание будет для него лишь утвердительным ответом, подтверждением существования свадеб. Судьба человека, его личность, при этом остаются в тени.

Целью данной статьи является не поиск правильного метода, но лишь попытка указать на возможность изменения исследовательской оптики. У автобиографического мемората как у самостоятельного жанра свои, только ему присущие особенности, которые нельзя игнорировать. Мемораты обладают относительной референциальностью — их трудно, подчас даже невозможно верифицировать, однако чисто функциональный и формалистический подход к ним с неизбежностью будет редуционистским. Можно смело утверждать (учитывая важность обсуждаемой с ними темы), что большинство информантов не станут

сознательно искажать события. Также стоит обратить внимание на то, что подавляющее большинство «доступных» на данный момент представителей той эпохи были во время войны детьми, то предположение об относительной достоверности получаемой от рассказчика информации выглядит еще более правдоподобным, так как общеизвестно, что человеческой памяти в первые годы жизни присущ фотографический и документальный характер — в силу того, что ее хозяин еще не способен к анализу или оценке происходящего вокруг. Из сказанного выше вытекает, что мемораты могут и должны быть источниками для изучения социальной и культурной истории, истории ментальностей, но чтобы они могли использоваться в таком качестве, нужно изменить подход к их сбору и обработке.

В начале 2010 года была издана книга Б.А. Леонова о русской литературе, посвященной Великой Отечественной войне². В одной из заключительных глав своей монографии автор в качестве некоторого вывода приводит мысль А. Ананьева, раскрытую в романе «Годы без войны». Последний утверждает, что любые без исключения попытки поиска новых сторон войны и взглядов на ее события не могут привести к положительному результату, а напротив, неумолимо ведут к осквернению священной темы. «Мы что же, победы наши должны

обращать в поражения? Не понимаю и никогда не пойму этого... Так что конечная и главная правда, — правда Бородина, правда народных усилий», — эту фразу героя романа исследователь считает ключевой. Опираясь на нее, Леонов приходит к выводу, что единственным правильным способом сохранения истории является своего рода консервация памяти. Исследователь вслед за автором утверждает, что прошло уже достаточно времени, чтобы поставить события 1941–1945 годов рядом с войной против Наполеона, перевести их в разряд сакральных и предать их забвению.

Можно ли считать достойным подобный подход к проблеме? На этот счет можно высказать серьезные сомнения. Сакрализация и консервация сглаживают исторические противоречия и разрушают нормальное функционирование коллективной памяти, и именно поэтому «объективные» методы фольклористики, применяемые сегодня для сбора воспоминаний о войне, способствуют скорее искажению, нежели адекватной концептуализации исторической памяти о войне. Поэтому вопрос о поиске адекватных средств ее интерпретации по-прежнему остается открытым.

á

Празднование победы в Берлине. Май 1945 г.

¹ Леонов Б.А. *Русская литература о Великой Отечественной войне: Очерк пережитого дважды*. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2010.